

Типология осетинских глагольных парадигм

© 2023

Арсений Павлович Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
senjacom@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье подробно рассматриваются глагольные парадигмы осетинского языка. Данные осетинского языка сравниваются с данными других новоиранских языков (восточных и западных). Материал анализируется с позиций синхронии. На основе проведенного типологического изучения глагольных парадигм новоиранских языков у осетинского языка выделяется ряд нетипичных для других иранских языков грамматических черт. В частности, в осетинском выделяются следующие особенности: морфологическое будущее время, субъектный имперсонал, морфологическая переходность и специализированные императивные показатели для третьего лица. Лично-числовые показатели в осетинском языке играют ключевую роль в образовании форм времен и наклонений. В других новоиранских языках при образовании форм времен и наклонений основную функцию обычно выполняют глагольные основы и (или) специальные аффиксы, а лично-числовые показатели в большинстве языков не выражают никаких категорий кроме лица и числа. В осетинском языке также отсутствуют некоторые категории и грамматические особенности, характерные для новоиранских языков (перфект и плюсквамперфект, аспектуальные формы, а также аналитические глагольные формы). Полученные в ходе настоящего исследования результаты существенно обогащают не только теоретическую грамматику осетинского языка, но и типологические знания о новоиранских языках.

Ключевые слова: глагольные системы, словоизменение глагола, внутригенетическая типология, иранские языки, осетинский язык

Благодарности: Исследование проведено в рамках работы по гранту РФФИ № 19-012-00581А.

Для цитирования: Выдрин А. П. Типология осетинских глагольных парадигм. *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 89–113.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113

Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective

Arseniy P. Vydrin

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
senjacom@gmail.com

Abstract: The article discusses Ossetic verbal paradigms. Ossetic data is compared with the data of other New Iranian languages (both East and West Iranian). The study is based on the synchronic approach. Ossetic verb has a number of features atypical of other New Iranian languages — in particular, morphological Future, Impersonal, morphological transitivity, and special forms for the third person Imperative. The person-number endings play a key role in the formation of the tense and mood forms in Ossetic. On the contrary, in other New Iranian languages, verbal roots or special affixes perform the main function in the building of tense and mood forms, while the person-number endings rarely convey any other meanings besides person and number. Ossetic lacks some of the categories and grammatical features typical of New Iranian languages (Perfect and Pluperfect, aspectual forms, analytical or complex forms). This study contributes not only to the grammar of Ossetic, but also to the typology of verbal categories of New Iranian languages.

Keywords: intragenetic typology, Iranian, Ossetic, verbal inflection, verbal systems

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00581A.

For citation: Vydrin A. P. Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 89–113.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113

1. Вводные замечания

Осетинскому языку, в отличие от многих других восточноиранских, посвящено немало научных работ (наиболее значимыми для настоящей статьи являются следующие работы [Гагкаев 1952; Абаев 1959; Benveniste 1959; Ахвледиани 1963; 1969; Багаев 1965; 1982; Техов 1970; Тедеев 1989; Thordarson 1989; 2009; Таказов 1992; Выдрин 2014б]). Тем не менее, системного рассмотрения данных осетинского глагола в парадигме других новоиранских языков до сих пор не проводилось. Ниже будет подробно рассмотрена глагольная система осетинского языка и проведена ее оценка с точки зрения типологии новоиранских языков. Настоящее исследование основано на принципах синхронии. Попытки диахронического изучения иранских языков неоднократно предпринимались в предыдущих исследованиях (наиболее значимой работой по теме является [Расторгуева 1975а; 1975б]). Системного сравнения и оценки глагольных систем иранских языков с позиций синхронии до сих пор не проводилось. Настоящая статья может стать первым опытом синхронного описания некоторых типологических особенностей глагола новоиранских языков.

В следующем разделе подробно рассматриваются парадигмы осетинского глагола¹. Морфологическое членение происходит на синхронном уровне, и, таким образом, интерпретация, предлагаемая в настоящей статье, может отличаться от традиционной точки зрения, принятой в грамматиках осетинского языка. В осетинских глагольных парадигмах выделяется ряд особенностей, которые в последующих разделах подробно рассматриваются и оцениваются с точки зрения внутригенетической типологии новоиранских языков. В выборку настоящей статьи вошли практически все новоиранские языки, имеющие удовлетворительное описание глагольной системы. В разделе 3.1 показано, что категория будущего времени, выделяемая в осетинском языке, в целом нехарактерна для новоиранских языков. В тех языках, где она отмечается, не обнаруживается специализированного морфологического показателя будущего, как в осетинском. Раздел 3.2 посвящен осетинским имперсональным формам (субъектный имперсонал), которые представляют собой уникальное явление среди иранских языков. Осетинская морфологическая переходность рассматривается в разделе 3.3. В осетинском обнаруживаются разные лично-числовые окончания для переходных и непереходных глаголов, а также возможно выделение отдельного морфологического показателя переходности. В других новоиранских языках уникальные парадигмы для переходных и непереходных глаголов встречаются редко, а специальных морфологических показателей переходности не встречается вовсе. В разделе 3.4 рассматриваются осетинские глагольные лично-числовые окончания и оценивается их роль в системе осетинского глагола. В осетинском языке обнаруживается пять уникальных наборов лично-числовых окончаний. При образовании форм времен и наклонений ключевую роль играют именно окончания, а не глагольные основы (как в большинстве других новоиранских языков) или специальные аффиксы (как в отдельных языках, например, в талышском). Сходная с осетинской глагольная система, базирующаяся на разных лично-числовых показателях, обнаружена только в некоторых

¹ В работе используются данные иронского диалекта осетинского языка.

прикаспийских языках. В разделе 3.5 рассматривается категория императива и отмечаются уникальные для новоиранских языков специализированные формы императива 3SG и 3PL в осетинском языке.

В последующих трех разделах рассматриваются категории и явления, характерные для других иранских языков, но отсутствующие в осетинском. Категории перфекта и плюсквамперфекта, отсутствующие в осетинском, обнаружены практически во всех новоиранских языках. Перфект не обнаружен только в некоторых прикаспийских языках. Плюсквамперфект отсутствует только в языке кумзари. В осетинских парадигмах отсутствуют аспектуальные формы. В большинстве других иранских языков существуют личные аспектуальные формы, хотя и встречаются исключения (например, некоторые памирские языки). Осетинские глагольные парадигмы лишены аналитических форм. Настоящее исследование показывает, что для новоиранских языков характерно наличие аналитических глагольных форм, однако отмечается несколько языков-исключений (например, ларский, кумзари). В заключение делаются выводы об особом месте глагольной системы осетинского языка среди новоиранских языков, а также отмечаются некоторые общие для новоиранских языков грамматические особенности и упоминаются отдельные аномалии.

2. Осетинские глагольные парадигмы

В современном осетинском языке наблюдается развитая по сравнению с другими современными восточноиранскими языками глагольная система. Осетинский глагол насчитывает три времени (настоящее, будущее, прошедшее) и пять наклонений (индикатив, конъюнктив, оптатив, контрфактив и императив) [Выдрин 2014б]. Только индикатив изменяется по временам. Выделяются формы субъектного имперсонала — формы, немаркированные по лицу и числу. Все формы времен и наклонений, кроме имперсонала, образуются от глагольных основ² (корней) настоящего или прошедшего времени с помощью глагольных окончаний и в отдельных случаях с помощью специализированных суффиксов, которые ставятся между основой и окончанием. Основа настоящего времени образуется от формы инфинитива путем отбрасывания инфинитивного показателя *-ын*. «Основа прошедшего времени образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-д*, *-т*, *-ст*, *-ыд* с различными во многих глаголах фонетическими изменениями (чередованием гласных и согласных, выпадением согласных и полугласных, ассимиляцией согласных)» [Багаев 1965: 291].

Основа настоящего времени используется в настоящем и будущем времени, а также в конъюнктиве, императиве и оптативе. Основа прошедшего времени употребляется только в прошедшем времени и контрфактиве.

У категорий лица и числа выделяется форма, немаркированная по лицу и числу, — субъектный имперсонал. Субъектный имперсонал образуется от причастия прошедшего времени, которое часто, но не всегда совпадает с основой прошедшего времени. К причастию прошедшего³ времени присоединяется специализированный суффикс *-æ*

² В настоящей работе под основами понимаются разновидности корня слова, которые не имеют регулярной модели образования. Такое понимание основ может отличаться от подхода, принятого в некоторых грамматиках иранских языков. Например, в отдельных исследованиях предлагается выделять в осетинском языке также основу будущего времени [Таказов 1992], однако морфологических оснований для этого нет — будущее время образуется от основы настоящего времени регулярным образом с помощью суффикса.

³ Причастия прошедшего времени, оканчивающиеся на *-онд*, претерпевают некоторые изменения: у глагола *кæнын* 'делать' причастие прошедшего времени имеет форму *конд*, но при субъектном имперсонале используется основа *чынд-*; у глагола *амонын* 'указывать' причастие прошедшего

и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ в личной форме. Вспомогательный глагол отделен от причастия прошедшего времени, маркированного суффиксом *-æ*, и в орфографии часто пишется слитно. Более подробно про эту категорию в осетинском языке см. [Выдрин 2014а].

Ниже приводятся таблицы парадигм всех названных времен и наклонений осетинского языка.

Таблица 1

Формы настоящего и будущего времени индикатива глагола *кæнын* ‘делать’
(*кæн-* — основа настоящего времени)

Настоящее время		Будущее время (<i>дзын/дзæн/дзы</i> — футуральный показатель)		
SG	PL	SG	PL	
0	<i>чынд-æ-уы</i>	<i>чынд-æ-уы-дзæн</i>		
1	<i>кæн-ын</i>	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-дзын-æн</i>	<i>кæн-дзы-стæм</i>
2	<i>кæн-ыс</i>	<i>кæн-ут</i>	<i>кæн-дзын-æ</i>	<i>кæн-дзы-стут</i>
3	<i>кæн-ы</i>	<i>кæн-ынц</i>	<i>кæн-дзæн-∅, кæн-дзæн-и(с)</i>	<i>кæн-дзы-сты</i>

Таблица 2

Формы прошедшего времени индикатива переходного глагола *кæнын* ‘делать’
(*код-* — основа прошедшего времени, *-т-* — показатель переходности)
и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (*цард-* — основа прошедшего времени)

<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’		
SG	PL	SG	PL	
0	<i>чынд-æ-уыд-∅</i>	<i>цард-æ-уыд-∅</i>		
1	<i>код-т-он</i>	<i>код-т-ам</i>	<i>цард-тæн</i>	<i>цард-ыстæм</i>
2	<i>код-т-ай</i>	<i>код-т-ат</i>	<i>цард-тæ</i>	<i>цард-ыстут</i>
3	<i>код-т-а</i>	<i>код-т-ой</i>	<i>цард-∅, цард-и(с)</i>	<i>цард-ысты</i>

Таблица 3

Формы императива, конъюнктив и оптатива глагола *кæнын* ‘делать’

Императив		Конъюнктив		Оптатив	
SG	PL	SG	PL	SG	PL
0	<i>чынд-æ-у-æд</i>	<i>чынд-æ-у-а</i>		<i>чынд-æ-у-ид, чынд-æ-у-айд</i>	
1	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-он</i>	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-ин</i>	<i>кæн-иккам</i>
2	<i>кæн-∅</i>	<i>кæн-ут</i>	<i>кæн-ай</i>	<i>кæн-ис</i>	<i>кæн-иккат</i>
3	<i>кæн-æд</i>	<i>кæн-æнт</i>	<i>кæн-а</i>	<i>кæн-ид</i>	<i>кæн-иккой</i>

времени выглядит как *амонд*, однако в случае субъектного имперсонала используется основа *амынд-*; у глагола *зонын* ‘знать’ причастие прошедшего времени выглядит как *зонд*, а форма, использующаяся при образовании имперсонала, — *зынд-*.

Таблица 4

Формы контрфактива переходного глагола *кæнын* ‘делать’ и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (-т- — показатель переходности, -а- — показатель контрфактива)

	<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’	
	SG	PL	SG	PL
0	<i>чынд-æ-уыд-а-ид</i>		<i>цард-æ-уыд-а-ид</i>	
1	<i>код-т-а-ин</i>	<i>код-т-а-иккам</i>	<i>цард-а-ин</i>	<i>цард-а-иккам</i>
2	<i>код-т-а-ис</i>	<i>код-т-а-иккат</i>	<i>цард-а-ис</i>	<i>цард-а-иккат</i>
3	<i>код-т-а-ид</i>	<i>код-т-а-иккой</i>	<i>цард-а-ид</i>	<i>цард-а-иккой</i>

В настоящей статье морфологическое членение личных глагольных форм производится на синхронном уровне. Выделение некоторых морфем (например, показателя переходности и показателя контрфактива) не имеют оснований при диахроническом подходе. В данной статье я не буду останавливаться на вопросе о происхождении осетинских глагольных окончаний, эта тема неоднократно обсуждалась в литературе (см., например, [Абаев 1949; Cheung 2002; Чёнг 2008; Выдрин 2014б]).

При внимательном рассмотрении осетинских глагольных парадигм можно выделить следующие особенности:

1. Морфологическое будущее время
2. Имперсонал
3. Морфологическая переходность
4. Лично-числовая флексия
5. Императив
6. Отсутствие категории перфекта и плюсквамперфекта
7. Отсутствие аспектуальных форм
8. Отсутствие аналитических форм

Ниже будет подробно рассмотрена каждая из перечисленных выше особенностей осетинских парадигм, а также проведена их оценка с точки зрения типологии новоиранских языков.

3. Особенности осетинских глагольных парадигм

Настоящее исследование строится главным образом на грамматических описаниях новоиранских языков. Для отдельных языков (персидский, таджикский, осетинский, ягнобский) использовался собственный материал. Выборка покрывает практически все новоиранские языки, имеющие удовлетворительное описание глагольной системы. Ниже приводится список исследованных языков и ссылки на основные источники, используемые в настоящей работе.

Востоочноиранские: [Эдельман 1990], ягнобский [Хромов 1972], пушту [Грюнберг 1987а], памирские языки ([Пахалина 1989], ваханский [Пахалина 1975; 1987а], мунджанский [Грюнберг 1972; 1987б], ишкашимский [Пахалина 1959; 1987б], сангличский [Юсуфбеков, Додыхудоева 2008], язгулямский [Эдельман 1987а], шугнанский, рушанский, бартангский, хуфский, сарыкольский [Эдельман 1987б]).

Западноиранские: персидский, таджикский, дари [Кисилёва 1985; Иоаннесян 1999], хазара [Ефимов 1965; 2008], диалекты Фарса [Жеримова 1982а], ларский [Молчанова 1982],

татский [Грюнберг 1963; Authier 2012], лурские и бахтиярские диалекты [Керимова 1982], кумзари [Wal Anonby 2015], курдские ([Цаболов 1978; 1997], сорани сулеймани [McCaugus 2009], курманджи, гурани [Пирейко 1997], горани XVIII–XIX вв. [Юсупова 1998], аврамани [Юсупова 2000]), зазаки [L. Paul 2009], белуджские [Ахенов 2006; Jahani, Korn 2009], короши [Nourzaei et al. 2015], ормури [Ефимов 1986], парачи [Ефимов 2009], прикаспийские [Расторгуева, Эдельман 1982] (гилянский, мазендеранский, шамерзади, диалект Велатру), азербайджанский (северный) тальшский [Миллер 1953; Пирейко 1976; 1991], иранский (южный) тальшский [D. Paul 2011], диалекты тати [Yar-Shater 1969; Пирейко 1991], семнанский [Пахалина 1991], афтари [Bozjian 2008], сангесари [Расторгуева 1991], диалекты центрального Ирана [Расторгуева, Мошкало 1997], йезди [Молчанова 2008], сивенди [Молчанова 1997].

3.1. Морфологическое будущее время

В глагольной системе новоиранских языков центральное место занимает временное противопоставление непрошедшее vs. прошедшее [Расторгуева 19756]. Единственным обнаруженным новоиранским языком, где нет этого противопоставления, является кумзари. В этом языке глагольная система строится на аспектуальном (перфект vs. имперфект) и модальном (реалис vs. ирреалис) противопоставлении [Wal Anonby 2015]. Однако нужно обратить внимание на то, что статус языка кумзари до конца неясен. Язык испытывает и продолжает испытывать сильное семитское влияние. Хотя традиционно кумзари относят к юго-западноиранским языкам [Skjærvø 1989; Ethnologue 2023], автор грамматики кумзари [Wal Anonby 2015: 3] отмечает невозможность однозначного отнесения этого языка к индоевропейской или к семитской языковой семье.

Настоящее исследование показывает, что категория будущего времени еще не получила полноценного развития в новоиранских языках. Во многих языках план будущего не имеет специализированного выражения и обслуживается формами непрошедшего времени. Например, в белуджском языке Туркменистана (западноиранский) нет будущего времени, категория времени представлена только двумя уровнями: прошедшее и непрошедшее [Ахенов 2006: 175]. План будущего выражается формами непрошедшего. В памирских языках (восточноиранские) также нет отдельного будущего времени. Формы настояще-будущего времени выражают «всякое непрошедшее действие» [Пахалина 1989: 243].

В некоторых языках обнаруживается аналитическое будущее время. Например, в таджикском языке (западноиранский) это так называемое литературное будущее время [Выдрин, Мазурова 2021], выражающееся с помощью вспомогательного глагола *хостан* ‘хотеть’, который ставится в личную форму сослагательного наклонения настояще-будущего времени, смысловой глагол употребляется после вспомогательного глагола в неизменяемой форме усеченного инфинитива (без инфинитивного суффикса *-ан*). Вспомогательный глагол *хостан* изменяется по всем лицам и числам, например:

- (1) — *Чун баргард-ем, мактаб-е хоҳ-ї сохт.*
когда возвращаться-SUBV.1PL школа-INDEF хотеть-SUBV.2SG строить-INF.FUT

‘Когда мы вернемся, ты построишь школу’ (НКТЯ⁴. Сорбон Куллиёт. Ч. 9. Достони писари худо (роман). К. 5–6. Душанбе, 2009).

Некоторые иранские языки для выражения плана будущего используют служебные слова. Например, в пушту (восточноиранский) это энклитическая частица *bə*, которая «при употреблении с формой наст[оящего] времени, переносит действие в план

⁴ Пример из Национального корпуса таджикского языка, <https://tajik-corpus.org/>.

будущего: зэм ‘иду’ — zə-bə зэм ‘я буду идти’, ‘я буду ходить’. При употреблении с формой прош[едшего] времени, придает ей видовое значение многократности, обычности действия»⁵ [Расторгуева 1975б: 376]. Более подробно про эту частицу см., например, исследование З. М. Калининой [1976]. В курдском курманджи для выражения будущего времени используется форма настоящего времени конъюнктива и частица (w)ē [Цаболов 1978: 65–66].

В нескольких новоиранских языках обнаруживается морфологическая категория будущего времени (например, татский, талышский), однако в таких языках нет специализированных морфологических средств выражения будущего времени. Например, в языке североазербайджанских татов отмечается будущее потенциальное время, которое образуется от настоящей основы с помощью префикса *mi-* и личных окончаний, единых для всех простых личных глагольных форм. При этом префикс *mi-* используется также при образовании прошедшего многократного времени и — в центральном говоре — при образовании настоящего времени. В центральном говоре и говоре с. Гендаб также отмечается будущее категорическое время, образованное от герундия (инфинитив, маркированный суффиксом *-i*) и краткой формы связки, совпадающей с личными окончаниями [Грюнберг 1963: 70–71]. Однако, как отмечает сам автор грамматики татского языка, «герундив от переходного глагола со связкой может в этих говорах иметь и иной смысл: герундив может пониматься пассивно. Такое сочетание ничем не отличается от сочетаний того же состава во всех прочих говорах. Оно носит отчетливо аналитический характер (<...>) и служит для выражения пассивного долженствования: д.⁶ *in ou ayardæni-y-ÿ* ‘эта вода должна быть принесена’ (ср.: д. *in gædæ ayardæni-ÿ* ‘этот мальчик принесет’))» [Там же: 100]. Вопрос о грамматикализации конструкции с герундием в будущее категорическое в отдельных татских говорах неважен для настоящей статьи. Даже если такая грамматикализация произошла, герундий имеет в татском другие значения и, таким образом, не является специализированным показателем будущего времени.

Будущее время в осетинском образуется с помощью специализированного суффикса *-дзын /-дзæн /-дзы* и личных окончаний, сходных с окончаниями прошедшего времени непереходного глагола. Суффикс *-дзын /-дзæн /-дзы* произошел из глагола со значением ‘желать’, иранское **čana* (в авестийском *čana(h)- / činah* ‘жаждущий’, ‘желающий’) [Бенвенист 1965: 88–89 (Benveniste 1959)]. Типологически такой путь грамматикализации глагола желания является тривиальным [Vybe et al. 1994]. Тем не менее, насколько можно судить по имеющимся описаниям, ни в одном новоиранском языке не произошло такой полной грамматикализации глагола желания и образования полноценных морфологических форм будущего времени.

3.2. Имперсонал

В осетинском языке существует специальная бессубъектная глагольная форма — субъектный имперсонал. Эта форма образуется от всех времен и наклонений, включая императив (3). Приведу несколько примеров.

- (2) *Куыстаг-тае радыгай чынд-æ-уы*
 работа-PL.НОМ по.очереди делать.PART.PST-IMPER-БЫТЬ.PRS.3SG
 ‘Работу по очереди делают’ (ОНК⁷. Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. Пословицы. Владикавказ: ИР, 2005).

⁵ Мое глоссирование примера — zə-bə зэм (я-бэ идти.PRS.1SG) ‘я буду идти’.

⁶ Говор сел Дагкушчу и Аriskюш (= центральный говор).

⁷ Осетинский национальный корпус <http://corpus.ossetic-studies.org/>.

- (3) *Уæлмæрд-т-æм да ма ба-уагъд-æ-уæд!*
 могила-PL-ALL 2SG.ENCL.GEN NEG PREF-позволять.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
 ‘Чтоб тебя не пустили на кладбище!’ (проклятие) (ОНК. Мах дуг. 2001. № 3. С. 108).

Морфологический субъектный имперсонал, обнаруженный в осетинском языке, является типологически редким и уникальным явлением для иранских языков. В других иранских языках имперсональное значение выражается типологически тривиально: личными показателями 3PL и реже показателями 3SG или 2SG.

Включение имперсональных форм в глагольные парадигмы в осетинском языке обосновывается тем, что эти формы образуются от всех времен и наклонений. Осетинский имперсонал представляет собой немаркированную по лицу и числу форму («нулевое лицо и число»). Более подробно про осетинский имперсонал и средства выражения имперсонального значения в других иранских языках см. работу [Выдрин 2014а].

3.3. Морфологическая переходность

В системе осетинского глагола у переходных и непереходных глаголов используются разные лично-числовые показатели в прошедшем времени и в контрфактиве. Также при рассмотрении парадигм на синхронном уровне в прошедшем времени и в контрфактиве у переходных глаголов можно выделить специальный показатель переходности *-т-*.

В большинстве других иранских языков у переходных и непереходных глаголов используется один набор окончаний. В тех иранских языках, где переходность глагола выражается разными окончаниями, это различие происходит (так же, как и в осетинском) только в формах, относящихся к плану прошедшего. В языках, где у переходных глаголов выделяются специальные окончания, как правило, эти окончания отличаются от непереходных только в отдельных лицах и числах. Такая ситуация наблюдается, например, в большинстве памирских языков⁸ [Пахалина 1989]. Ниже приводятся таблицы окончаний непереходного и переходного глагола прошедшего времени в мунджанском языке (восточно-иранский) из работ [Грюнберг 1972: 430; 1987а: 216].

Таблица 5

Глагольные окончания прошедшего времени переходного глагола

	SG	PL
1	-æm	-ām
2	-æt	-āf
3	-∅, -a	-āt

Таблица 6

Глагольные окончания прошедшего времени непереходного глагола

	SG	PL
1	-ām	-ām
2	-āy	-āf
3	-∅, -a	-āt

Как видно из таблиц, переходность-непереходность различается только в единственном числе и только в 1 и 2 лице. Распределение *-∅* и *-a* в 3SG не связано с переходностью и является лексическим.

В некоторых языках (например, сангесари [Расторгуева 1991: 242]) у переходных глаголов в прошедшем времени отсутствуют окончания, агенс выступает в косвенной форме. Непереходные окончания в прошедшем времени имеют лично-числовые окончания.

⁸ Нужно отметить, что в прошедших временах переходного глагола лично-числовые показатели являются энклитиками, у непереходных глаголов и у переходных в непрошедших временах лично-числовые показатели являются суффиксами.

В отдельных иранских языках обнаруживаются уникальные переходные окончания, отличные от непереходных во всех (или почти во всех) лицах и числах. Таким является, например, курдский сорани сулеймани (западноиранский). Приведем таблицы спряжения непереходных и переходных глаголов в претерите из работы [McCarus 2009: 609].

Таблица 7

Спряжение непереходного глагола
'приходить' в претерите

	SG	PL
1	hāt-im	hāt-īn
2	hāt-ī(t)	hāt-in
3	hāt	hāt-in

Таблица 8

Спряжение переходного глагола 'есть'
в претерите

	SG	PL
1	xwārd-im	xwārd-mān
2	xwārd-it	xwārd-tān
3	xwārd-ī	xwārd-yān

В афтари в прошедших временах также обнаруживаются отдельные окончания для переходных и непереходных глаголов. Приведем парадигму этих окончаний ниже [Bořjān 2008: 292].

Таблица 9

Личные глагольные окончания афтари

	I серия. Настоящее время, прошедшие времена непереходного глагола	II серия. Прошедшие времена переходного глагола ⁹
1SG	-i	-om
2SG	-a (наст.), -at (прош.)	-ot
3SG	-e (наст.), -a / -∅ (прош.)	-(oš) (претерит), -a / -∅ (имперфект)
1PL	-im	-omon
2PL	-in	-oton
3PL	-en	-ošon

Интересным фактом грамматики афтари является появление у непереходных глаголов в претерите и имперфекте специального суффикса *-št*. Этот показатель ставится между основой и флексией и обязательно употребляется во всех лицах и числах, кроме 3SG, где он иногда может опускаться (видимо, из-за нулевой флексии) [Bořjān 2008: 294]. Х. Борджиан в своем грамматическом очерке афтари отдельно не описывает этот суффикс *-št*. Однако учитывая регулярность *-št* в формах претерита и имперфекта именно непереходных глаголов и отсутствие этого суффикса в каких-либо других глагольных формах, можно заключить, что суффикс *-št* является морфологическим показателем непереходности глагола в прошедших временах. Если это предположение верно, афтари является типологически редким языком (и уникальным для иранской языковой группы), в котором обнаруживается специальный морфологический показатель непереходности.

Для языков среднеиранского периода тоже нехарактерно использование разных окончаний для переходных и непереходных глаголов. Единственным обнаруженным среднеиранским языком, имеющим разные наборы окончаний для непереходного и переходного глагола, является хотаносакский (среднеиранский, восточный). Ниже приводятся таблицы парадигм непереходного и переходного глаголов в перфекте из работы [Emmerick 1968: 222].

⁹ Гласный *-o* может меняться на *u, a, e*.

Таблица 10

Перфект непереходного глагола

	SG		PL	
	Masculine	Feminine	Masculine	Feminine
1	-t-ämä	* ¹⁰ -t-amä	*-t-andä mä	
2	-t-ī		-t-a sta	-t-e sta
3	-t-ä	-t-a	-t-a	-t-e

Таблица 11

Перфект переходного глагола

	SG		PL
	Masculine	Feminine	
1	-t-aimä	-tāmä	-t-ändä mä
2	-t-ai	*-t-ätä	-t-ändä sta / -t-ända
3	-t-e	-t-ätä	-t-ändä

Суффикс *-t-* является перфектным окончанием причастия прошедшего времени. Как отмечает автор хотаносакской грамматики [Emmerick 1968: 221], семантически непереходные глаголы могут иметь переходный тип спряжения, например, *juv-* (*jutändä*) ‘жить’, *him-* (*himyai*) ‘становиться, быть’, *hūs-* (*hūtātä*) ‘спать’ и другие¹¹. Однако семантически переходные глаголы не могут иметь непереходное спряжение; единственным обнаруженным исключением является глагол *bud-* (*bustämä*) ‘понимать’.

В ходе настоящего исследования ни в одном иранском языке, кроме осетинского, не были обнаружены специальные глагольные морфологические показатели переходности. Также нужно отметить, что полноценный набор уникальных личных окончаний для переходных и непереходных глаголов в иранских языках (как современных, так и мертвых) встречается нечасто.

3.4. Лично-числовая флексия

3.4.1. Осетинский

В осетинском языке выделяется целых пять наборов уникальных личных глагольных окончаний (в таблицах 1–3 выделены полужирным): окончания настоящего времени, прошедшего времени непереходного глагола (будущего времени), прошедшего времени переходного глагола (конъюнктива), опатива (контрфактива) и императива. Как будет показано ниже, в новоиранских языках обычно лично-числовые окончания совпадают в большинстве форм времен и наклонений и, таким образом, они не выражают никаких грамматических значений кроме лица и числа.

¹⁰ Знак * означает, что форма не засвидетельствована в текстах.

¹¹ Функционирование некоторых непереходных глаголов как переходных отмечается в ряде новоиранских языков (например, [Эдельман 1990: 139], см. также мою статью про осетинский [Выдрин 2022]).

Грамматическая наполненность осетинских глагольных окончаний нетривиальна. Помимо лица и числа они также выражают время и наклонение. В осетинском при образовании времен и наклонений основную роль играют именно личные окончания (и в отдельных случаях специализированные суффиксы), а не глагольные основы настоящего и прошедшего времени, как в других иранских языках. Действительно, если посмотреть на осетинские парадигмы, мы не найдем ни одного времени или наклонения, в котором глагольная основа играла бы какую-то различительную роль. Формы настоящего времени отличаются от форм прошедшего окончаниями. Формы будущего времени отличаются от форм прошедшего непереходного глагола суффиксом *-дзын/-дзæн/-дзы* (в 1SG и 2SG они различаются также окончаниями). Формы конъюнктива отличаются от форм прошедшего времени переходного глагола суффиксом переходности *-т*. Формы опатива отличаются от контрфактивных суффиксом *-а*. Таким образом, основы настоящего и прошедшего времени в осетинском языке не несут различительного значения, а являются лишь вторичными грамматическими признаками отнесения той или иной формы к плану настоящего или прошедшего. В других иранских языках, где есть основы настоящего и прошедшего времени, эти основы обычно играют важную роль для различения личных глагольных форм неперошедшего и прошедшего.

Нужно также отметить отсутствие в осетинском специальных средств для различения изъявительного и косвенных наклонений. Формы изъявительного и косвенных наклонений различаются только лично-числовыми окончаниями. Как будет показано ниже, в тех новоиранских языках, где помимо императива есть другие косвенные наклонения, обычно существуют специальные показатели, отличающие изъявительное наклонение от косвенных.

В других новоиранских языках лично-числовые показатели не играют такой важной роли, как в осетинском. Системообразующую функцию обычно выполняют глагольные основы настоящего и прошедшего времени, а также неспециализированные префиксы и суффиксы. Описание всех особенностей устройства личных глагольных форм в новоиранских языках выходит далеко за рамки жанра статьи. В настоящей статье будут показаны лишь наиболее типичные системы. Отдельно также будут рассмотрены языки, которые выделяются на общем новоиранском фоне. Основной акцент будет сделан на то, какие элементы играют ключевую роль в образовании личных глагольных форм времен и наклонений (глагольные основы, аффиксы или показатели лица и числа).

3.4.2. Восточноиранские языки.

Основной тип

В памирских языках глагольная система небогата морфологическими формами. Помимо императива косвенные наклонения отсутствуют. Для образования личных глагольных форм используются основы настоящего и прошедшего времени и личные окончания. В грамматиках также отмечается отдельная основа для перфекта, которая образуется от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-k/-g/-γ/-y* (например, [Пахалина 1989: 237]).

При образовании форм времен и наклонений обычно используется один или несколько наборов лично-числовых показателей. При этом в формах, образованных от основы настоящего времени, лично-числовые показатели являются суффиксами и присоединяются к глаголу. В формах, образованных от основы прошедшего времени, лично-числовые показатели являются подвижными энклитиками.

В язгулямском языке обнаруживаются отдельные для настоящего и прошедшего времени лично-числовые окончания, см. таблицы ниже из работы [Эдельман 1987а, 394].

Таблица 12

Ударные неотделяемые окончания настоящего-будущего времени

	SG	PL
1	-ín	-ém
2	-áy	-ít
3	-t (после глухих, носовых, гласных), -d (после звонких неносовых)	-án

Таблица 13

Безударные отделяемые окончания прошедших времен

	SG	PL
1	´-эм	´-ап
2	´-ат	´-эф
3	´-ау (при любом сказуемом), ´-у/-û (при именном сказуемом)	´-ап (при непереходном глаголе и именном сказуемом) ´-эф (при переходном глаголе)

В ишкашимском окончания настоящего и прошедшего времени различаются только в 2SG и 3SG. См. таблицу ниже из работы [Пахалина 1959: 52–53].

Таблица 14

Окончания настоящего времени

	SG	PL
1	-ьm	-on
2	-i	-ьv
3	-u	-on

Таблица 15

Окончания прошедшего времени

	SG	PL
1	-ьm	-on
2	-ьt	-ьv
3	-(i)	-on

В мунджанском языке лично-числовые показатели у форм, образованных от основы настоящего времени и основы прошедшего времени, различаются только в единственном числе, во множественном используется один набор показателей. При этом в 1SG и 2SG у непереходных и переходных глаголов используются разные показатели, см. таблицы ниже по [Грюнберг 1972: 427, 430; 1987а: 213, 216].

Таблица 16

Окончания
настояще-будущего
времени

	SG	PL
1	-эм	-ām, -am
2	-эу	-āf
3	-i, -d/-t ¹²	-āt

Таблица 17

Окончания прошедшего
времени переходного
глагола

	SG	PL
1	-эм	-ām
2	-эт	-āf
3	-Ø, -a	-āt

Таблица 18

Окончания прошедшего
времени непереходного
глагола

	SG	PL
1	-ām	-ām
2	-āy	-āf
3	-Ø, -a	-āt

¹² Распределение окончаний -t/-d и -i — лексическое.

Императив имеет специализированные окончания в единственном и множественном числе второго лица (2SG *-o*, 2PL *-it/-in*).

Таким образом, в мунджанском языке можно выделить три неполных (различающихся только в единственном числе) набора лично-числовых показателей (настоящее время, прошедшее время непереходного глагола и прошедшее время переходного глагола) и один полный (императивный).

В памирских языках важную роль для различения глагольных времен играют глагольные основы настоящего и прошедшего времени. Лично-числовые показатели нередко совпадают у разных глагольных форм во множественном числе и, таким образом, являются вторичными отличительными признаками.

В другом восточноиранском языке, пушту, морфологическое устройство личных глагольных форм схоже с памирскими языками. Используются основы настоящего и прошедшего времени и набор личных окончаний, который отличается в настоящем и прошедшем времени только в третьем лице единственного и множественного числа. Отдельно можно выделить окончание 2SG императива, которое, в отличие от большинства других иранских, использующих чистую основу, является специализированным (*-a*).

3.4.3. Ягнобский

Единственным современным восточноиранским языком, в котором образование личных глагольных форм строится по особым принципам, является ягнобский язык. В ягнобском глаголы имеют только одну глагольную основу. Единственным глаголом с двумя основами является 'делать' (*kun-* и *kar-*). При этом полноценной финитной основной является только *kun-*. «Основа *kar-* употребляется ограниченно: при образовании инфинитива, причастия и деепричастия настоящего времени... а иногда также форм прошедшего длительного времени» [Хромов 1972: 30]. Простые личные глагольные формы образуются с помощью флексии и дополнительных аффиксов. Ниже приведены парадигмы личных глагольных форм от глагола *šaw-* 'идти' из работы [Хромов 1972: 31–33, 37, 41–42].

Таблица 19

Формы сослагательного наклонения настоящего-будущего времени

	SG	PL
1	šaw-om	šaw-im
2	šaw-∅	šaw-t, šaw-s
3	šaw-ot	šaw-ant

Таблица 20

Зависимые формы изъявительного наклонения настоящего-будущего времени

	SG	PL
1	šaw-om	šaw-im
2	šaw-∅	šaw-t, šaw-s
3	šaw-t	šaw-or

Таблица 21

Формы изъявительного наклонения настоящего-будущего времени

	SG	PL
1	šaw-om-išt	šaw-im-išt
2	šaw-i-št	šaw-ti-št, šaw-si-št
3	šaw-ti-št, šaw-či	šaw-o-št

Таблица 22

Форма изъявительного наклонения прошедшего времени

	SG	PL
1	a-šaw-im	a-šaw-om, a-šaw-im
2	a-šaw-i	a-šaw-ti, a-šaw-si
3	a-šaw	a-šaw-or

Таблица 23

Формы изъявительного наклонения длительного прошедшего времени

	SG	PL
1	a-šaw-im-išt	a-šaw-om-išt, a-šaw-im-išt
2	a-šaw-i-št	a-šaw-ti-št, a-šaw-si-št
3	a-šaw-i-št	a-šaw-o-št

Морфологически наиболее простой является парадигма сослагательного наклонения настоящего-будущего времени и сходная с ней парадигма так называемых «зависимых форм».

Под зависимыми формами имеются в виду сочиненные предикаты. В настояще-будущем времени изъявительного наклонения первый предикат спрягается по парадигме настоящего-будущего, а все последующие — по зависимой парадигме (в других временах и наклонениях последующие предикаты имеют нулевое окончание во всех формах). Например, *man sáyn-om-išt ríti-šin mūn-om* (я поднимать.PRS-1SG-SUF перед-ENCL.3PL ставить-SER.1SG) ‘я поднимаю и ставлю перед ними’ [Хромов 1972: 42]. Типологически более корректно было бы называть зависимые парадигмы сериальными. Подобные сериальные конструкции совершенно нехарактерны для иранских языков. Единственным обнаруженным исключением (на которое обратил внимание один из рецензентов настоящей статьи) являются некоторые диалекты таджикского языка, в которых при однородных предикатах первый предикат употребляется в личной форме, а последующие в форме архаического причастия¹³. «Изогlossа этого синтаксического явления охватывает ареал бассейна верхнего течения р. Зеравшан, включая Пенджикент (Зебон, Филмандара, Косатарош, долина р. Фандарьи, Матча), Дарваз, Ванч, Бадахшан, случаи единичного употребления отмечаются также в Каратегине и северном Кулябе» [Гаффаров 1979: 78]. О происхождении этих форм см. работу [Боголюбов 1962].

Настоящее время изъявительного наклонения имеет дополнительный суффикс *-št/-išt*, а прошедшее время изъявительного наклонения маркируется префиксом *a-*. Длительное прошедшее использует и префикс *a-* и суффикс *-št/-išt*. Личные окончания в разных временах и наклонениях по большей части совпадают. Формы настоящего и прошедшего времени различаются главным образом разными аффиксами. Также формы сослагательного наклонения отличаются от форм изъявительного отсутствием специальных аффиксов, используемых в формах изъявительного наклонения.

Таким образом, в ягнобском языке основную роль при формировании личных глагольных форм играют не основы и не флексии, а специальные темпоральные и аспектуальные аффиксы. Сослагательное наклонение отличается от изъявительного отсутствием каких-либо аффиксов.

3.4.4. Западноиранские языки. Основной тип

Во многих западноиранских языках простые личные глагольные формы образуются от основы настоящего времени или основы прошедшего времени при помощи специальных аффиксов и одного набора личных окончаний. Рассмотрим персидский язык.

Наиболее морфологически простой формой является прошедшее время изъявительного наклонения. Это время образуется от основы прошедшего времени и личных окончаний. Во всех таблицах персидских парадигм в этом подразделе используется глагол *xordan* ‘есть’ (основа прошедшего времени — *xord-*, основа настоящего времени — *xor-*).

Таблица 24

Формы прошедшего времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	xord-am	xord-im
2	xord-i	xord-id
3	xord-∅	xord-and

¹³ Нужно отметить, что таджикские диалекты, в отличие от ягнобского, не выработали отдельную парадигму зависимых форм. Вне зависимости от времени, лица и числа главного предиката в таджикских диалектах используется форма, не имеющая лично-числовых окончаний, — архаичное причастие.

Настояще-будущее время образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *mi-* и таких же личных окончаний (только в 3SG используется другое окончание):

Таблица 25

Формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	mi-xor-am	mi-xor-im
2	mi-xor-i	mi-xor-id
3	mi-xor-ad	mi-xor-and

Прошедшее длительное время образуется от основы прошедшего времени с помощью префикса *mi-* и таких же личных окончаний, как и в простом прошедшем времени:

Таблица 26

Формы прошедшего длительного времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	mi-xord-am	mi-xord-im
2	mi-xord-i	mi-xord-id
3	mi-xord-∅	mi-xord-and

Сослагательное наклонение настоящего времени (в традиционных грамматиках называемое «аористом») образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *be-* и таких же личных окончаний, как в настояще-будущем времени:

Таблица 27

Формы настоящего времени сослагательного наклонения

	SG	PL
1	be-xor-am	be-xor-im
2	be-xor-i	be-xor-id
3	be-xor-ad	be-xor-and

Императив совпадает с формами сослагательного наклонения настоящего времени, в форме 2SG императив использует нулевое окончание.

В персидском языке основную роль в личных глагольных формах играют основы настоящего и прошедшего времени и специальные префиксы (*mi-*, *be-*). Личные окончания совпадают во всех простых личных глагольных формах (вариативность наблюдается только в 3SG, где в прошедших временах используется нулевое окончание). Изъявительное и сослагательное наклонения отличаются наличием префикса *be-* у сослагательного наклонения.

3.4.5. Отдельный тип. Талышский

В азербайджанском (или северном) талышском большинство глаголов имеют только одну основу. Таким образом, так же, как и в ягнобском языке, в талышском основа глагола не несет никакой грамматической нагрузки. Простые формы времени и наклонения образуются с помощью специальных аффиксов и одного набора окончаний [Миллер 1953: 143–144; Пирейко 1976: 333–342], ниже приводится таблица этих окончаний.

Глагольные окончания талышского языка

	SG	PL
1	-м	-МОН
2	-ш	-ОН
3	—	-Н

Особые окончания используются только в императиве, где в 2SG окончание является нулевым, а в 2PL употребляется окончание *-эн*.

В различных временах и наклонениях перед личным окончанием вставляются специальные дополнительные гласные: *-ə-* (прошедшее результативное время), *-e-* (будущее определенное время и прошедшее простое время), *-əj/-u-* (прошедшее время длительное I), *-ы-* (настоящее время сослагательного наклонения), *-o-* (желательное наклонение). Эти «вставные» гласные, по-видимому, можно считать (по крайней мере с синхронной точки зрения) специализированными суффиксами времен и наклонений¹⁴.

Наиболее морфологически простым является прошедшее время, которое состоит из суффикса *-u/-e-* и личных окончаний (у переходных глаголов используются энклитические местоимения), а также прошедшее результативное, которое состоит из суффикса *-ə-* и личных окончаний (у переходных глаголов также используются энклитические местоимения). Все другие личные глагольные формы имеют дополнительные аффиксы. Например, настоящее время образуется от инфинитива глагола (основа глагола, маркированная суффиксом *-e-*) с помощью суффикса *-də* и личных окончаний. Будущее определенное время образуется от инфинитива глагола с помощью префикса *bə-* и личных окончаний с суффиксом *-e-*. Другими показателями, образующими простые формы времен и наклонений, являются следующие аффиксы: префикс *ə-* (прошедшее время длительное I), префикс *бы-* (сослагательное наклонение настоящего времени, желательное наклонение, а также повелительное наклонение), суффикс *-əнин* (будущее время намерения или долженствования).

В талышском языке при отсутствии у большинства глаголов разных основ и наличии только одного набора окончаний (и специальных окончаний для императива второго лица) основную роль в образовании простых времен и наклонений взяли на себя специальные префиксы и суффиксы. Ни один другой новоиранский язык не выработал такого количества специализированных глагольных морфологических показателей для образования времен и наклонений. Отличительным признаком косвенных наклонений в талышском языке является префикс *бы-*, отсутствующий у форм изъявительного наклонения.

3.4.6. Отдельный тип. Прикаспийские

Из рассмотренного материала близкая к осетинской система глагольных парадигм представлена только в некоторых западноиранских прикаспийских языках (мазендеранский, шамерзади, диалект Велатру) [Расторгуева, Эдельман 1982: 520–544]. В этих языках простые личные глагольные формы образуются от одной из двух основ (настоящего или прошедшего времени) с помощью личных окончаний и в некоторых формах с участием префикса *ba-/be-/bä-*. Отмечается три уникальных серии личных окончаний: I для образования настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, II для образования настоящего-будущего времени сослагательного наклонения («аориста»), III для образования

¹⁴ Схожая система с одним набором окончаний и «вставными» гласными наблюдается в некоторых северных диалектах тати [Пирейко 1991: 147].

нейтрального и длительного прошедшего времени изъявительного наклонения. Ниже в таблице приводятся три серии окончаний мазендеранского языка [Там же: 529].

Таблица 29

Глагольные окончания мазендеранского языка

Серия	Лицо	SG	PL
I	1	-eme	-emi
	2	-eni	-enni
	3	-ene	-enne(ne)
II	1	-em	-im
	2	-i	-in
	3	-e	-en
III	1	-eme	-emi
	2	-i	-eni
	3	-e	-ene

Префикс *ba-/be-/bä-* используется в нейтральном прошедшем времени, сослагательном наклонении настоящего времени и императиве. У превербных глаголов и в отрицательных формах префикс *ba-/be-/bä-* отсутствует. Ниже приводится список простых личных глагольных форм (а также модели их образования) в мазендеранском, шамерзади и диалекте Велатру:

- настоящее-будущее время изъявительного наклонения: основа настоящего времени + флексия I;
- нейтральное прошедшее время изъявительного наклонения: префикс *ba-/be-/bä-* + основа прошедшего времени + флексия III;
- длительное прошедшее время изъявительного наклонения: основа прошедшего времени + флексия III;
- настоящее-будущее время сослагательного наклонения: префикс *ba-/be-/bä-* + основа настоящего времени + флексия II;
- императив: префикс *ba-/be-/bä-* + основа настоящего времени + флексия II (в 2SG нулевая флексия).

Единственной формой, в которой префикс *ba-/be-/bä-* несет форморазличительное значение, является нейтральное прошедшее время: только употребление префикса *ba-/be-/bä-* в данном случае отличает форму нейтрального прошедшего времени от формы длительного прошедшего. Другие формы различаются между собой сериями окончаний. Глагольные основы настоящего и прошедшего времени не являются важным отличительным признаком простых личных глагольных форм. Система простых форм глагола в этих языках строится главным образом на использовании разных личных глагольных окончаний. Формы настоящего времени отличаются от форм прошедших времен разным набором флексий. Так же изъявительное наклонение противопоставлено сослагательному разными флексиями. Система простых личных глагольных форм, представленная в мазендеранском, шамерзади и диалекте Велатру, близка к той, что мы видели в осетинском языке, где центральную роль в образовании простых глагольных форм также играют лично-числовые окончания.

Таким образом, в новоиранских языках, за исключением нескольких прикаспийских языков, не отмечается схожей с осетинской схемой устройства глагольной системы, при которой ключевую роль играют лично-числовые окончания.

3.5. Императивные окончания

В осетинском языке в 2SG императива используется нулевое окончание (чистая основа). В 2PL императивное окончание совпадает с окончанием настоящего времени, а в 1PL императивное окончание совпадает с окончаниями настоящего времени и конъюнктива. В 3SG и 3PL императива используются специализированные императивные окончания.

Использование в императиве 2SG чистой основы является типологически тривиальным явлением [Aikhenvald 2010]. В других иранских языках наиболее частой стратегией выражения императива 2SG является использование основы настоящего времени (маркированной или нет префиксом, использующимся также в сослагательном наклонении) с нулевым окончанием.

Формы императива 2PL в других иранских языках обычно имеют такое же окончание, как и 2PL настоящего времени или сослагательного наклонения настоящего времени. Типологически это также является частотным явлением. Однако среди новоиранских языков были замечены несколько аномальных стратегий маркирования 2 лица в императиве. В частности, у нескольких языков в императиве 2SG используется специальное окончание (видимо, восходящее к древнеиранскому императивному окончанию 2SG). Например, в пушту (восточноиранский) в императиве 2SG используется специальное окончание *-a*. Крайне редко в новоиранских языках встречается специальная форма императива 2PL. Единственным обнаруженным примером является мунджанский язык (восточноиранский), который имеет специальный показатель не только для императива 2SG (*-o*)¹⁵, но и для императива 2PL (*-it(-in)*)¹⁶. В северном талышском в императиве 2PL используется окончание *-ən*, в котором, по Л. А. Пирейко [1991: 147], «следует видеть перенос окончания 3-го лица мн. числа».

Специальная форма императива для 3SG и 3PL встречается среди новоиранских языков только в осетинском.

В следующих трех разделах будут рассмотрены категории и грамматические особенности, характерные для новоиранских языков, но отсутствующие в осетинском.

3.6. Отсутствие категории перфекта и плюсквамперфекта

В осетинском языке нет личных перфектных и плюсквамперфектных форм.

В результате настоящего исследования установлено, что категории перфекта и плюсквамперфекта являются типичными для новоиранских языков. Практически во всех новоиранских языках обнаружены перфект и плюсквамперфект. Перфект отсутствует только в прикаспийских языках, при этом в них обнаруживается категория плюсквамперфекта. Единственным языком, в котором есть перфект и отсутствует категория плюсквамперфекта, является кумзари.

Единственным новоиранским языком, в котором нет ни перфекта, ни плюсквамперфекта, является осетинский. Про происхождение перфектных форм в иранских языках см. работу [Jügel 2020].

¹⁵ Т. Н. Пахалина [1989: 239] возводит это окончание к древнеиранскому окончанию императива медиального залога **-hwa*

¹⁶ Происхождение неясно. Т. Н. Пахалина [1989: 239] отмечает, что это окончание «можно было бы восстановить в **-aitni* (ср. древнеиранское окончание 2 л. мн. ч. **-ta* + суффиксальный элемент *-na*, т. е. аналогично окончанию 1 л. мн. ч. **-m(a)nali-*)».

3.7. Отсутствие аспектуальных форм

В осетинском языке личные глагольные формы являются аспектуально немаркированными. Категория аспекта обслуживается в осетинском исключительно превербными и служебными словами. В других новоиранских языках в глагольной системе, как правило, обнаруживаются отдельные парадигмы аспектуальных форм. Например, в языках, подробно рассмотренных в разделе 3.4 (ягнобский, персидский, северный талышский и прикаспийские языки), выделяется прошедшее длительное время.

Тем не менее существуют новоиранские языки, в которых, так же, как и в осетинском, нет специальных парадигм аспектуальных форм (например, многие памирские языки: шугнано-рушанские, ваханский, ишкашимский).

3.8. Отсутствие аналитических форм

В глагольной системе осетинского языка все формы времен и наклонений являются простыми, аналитические формы отсутствуют. Во всех восточноиранских языках и в большинстве западноиранских обнаруживаются аналитические формы, образующиеся от причастной формы основного глагола и вспомогательного глагола со значениями 'быть', 'идти', 'иметь', 'стоять' и другими. Одним из самых богатых аналитическими формами языков является современный таджикский язык, где насчитывается несколько десятков личных аналитических форм [Расторгуева, Керимова 1964].

Наиболее частотной аналитической формой среди новоиранских языков является плюсквамперфект, который обычно образуется на основе перфекта с помощью вспомогательного глагола со значением 'быть'. Аспектуальные формы также нередко образуются в иранских языках с помощью вспомогательных глаголов (ср., например, формы прогрессива в персидском и многих других западноиранских языках [Vafaeian 2018]).

В результате настоящего исследования обнаружены несколько западноиранских языков, в которых, так же, как и в осетинском, отсутствуют какие-либо аналитические глагольные формы времен и наклонений. Одним из таких языков является ларский (западноиранский), в котором перфект образуется морфологически, с помощью суффикса *-ess/-est* и личных окончаний или проклитик. Плюсквамперфект, в отличие от других новоиранских языков, в ларском также образуется морфологически, с помощью суффикса *-on*, который присоединяется к перфектному суффиксу *-ess/-est*, и тех же личных окончаний или проклитик [Молчанова 1982: 435–436; Skjærvø 1989: 367]. Аспектуальные формы в ларском языке также образуются морфологически.

Другим языком, не имеющим аналитических глагольных форм времен и наклонений, является кумзари.

Нужно заметить, что несмотря на то, что в глагольных парадигмах осетинского языка отсутствуют аналитические аспектуальные и перфектные формы, в этом языке есть развитая система аналитических модальных и залоговых конструкций, которые строятся из отглагольной нефинитной формы и вспомогательного глагола. Например, конструкции возможности [Выдрин 2013], модальные конструкции со значением «легко/трудно сделать» [Выдрин 2015], конструкции необходимости и намерения [Vydrin 2017], а также другие модальные и залоговые конструкции [Выдрин 2014б].

Выводы

В настоящей работе было показано нетривиальное устройство осетинских глагольных парадигм. По сравнению с другими новоиранскими языками осетинский глагол содержит ряд уникальных и нехарактерных особенностей. Уникальными для типологии новоиранских языков являются следующие особенности: морфологическое будущее время, имперсонал, специальный морфологический показатель переходности, специализированные императивные окончания третьего лица, отсутствие категорий перфекта и плюсквамперфекта. Нехарактерными для новоиранских языков являются следующие черты осетинского глагола: устройство глагольной системы, при которой ключевую роль играют лично-числовые окончания, а не глагольные основы или специальные аффиксы, отсутствие аспектуальных форм, отсутствие аналитических форм.

Причины становления нехарактерной для других новоиранских языков системы глагола в осетинском нужно искать в полной изолированности осетинского от других иранских языков, а также от индоевропейских языков в целом. Действительно, осетинский на протяжении всей своей истории развивался в полной изоляции от родственных языков. Активные контакты осетинского с индоевропейскими языками (русский) начались только с самого конца XVIII в.

Значимым результатом настоящего исследования является обнаружение ряда характерных для внутригенетической типологии особенностей глагола новоиранских языков: категория перфекта и плюсквамперфекта, личные аспектуальные формы, а также аналитические глагольные формы. В статье также отмечаются некоторые нетривиальные для иранских языков грамматические особенности в отдельных новоиранских языках: специализированный показатель императива 2SG в пушту, а также специальные показатели императива 2SG и 2PL в мунджанском, сериальная конструкция в ягнобском. Данные, представленные в настоящей работе, могут быть использованы при дальнейшем типологическом исследовании глагола новоиранских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ALL — аллатив
ENCL — энклитика
FUT — будущее время
GEN — генитив

IMP — императив
IMPERS — имперсонал
INDEF — показатель неопределенности
INF — усеченный инфинитив
NEG — отрицание
NOM — номинатив
PART.PST — причастие прошедшего времени
PL — множественное число

PREF — преверб
PRS — настоящее
SER — сериальная форма
SG — единственное число
SUBJ — сослагательное наклонение настоящего
будущего времени
SUF — суффикс
НКТЯ — Национальный корпус таджикского
языка (<https://tajik-corpus.org/>)
ОНК — Осетинский национальный корпус
(<http://corpus.ossetic-studies.org/>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1949 — Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
[Abaev V. I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1949.]

- Абаев 1959 — Абаев В. И. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1959. [Abaev V. I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical sketch of Ossetian]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 1959.]
- Ахвледиани 1963 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. I: *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of Ossetian]. Vol. 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.]
- Ахвледиани 1969 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. II: *Синтаксис*. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of Ossetian]. Vol. 2: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1969.]
- Багаев 1965 — Багаев Н. К. *Современный осетинский язык*. Ч. I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1965. [Bagaev N. K. *Sovremennyi osetinskii yazyk* [Modern Ossetian language]. Part 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 1965.]
- Багаев 1982 — Багаев Н. К. *Современный осетинский язык*. Ч. II (синтаксис). Орджоникидзе: ИР, 1982. [Bagaev N. K. *Sovremennyi osetinskii yazyk* [Modern Ossetian language]. Part 2: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: IR, 1982.]
- Бенвенист 1965 — Бенвенист Э. *Очерки по осетинскому языку*. М.: Наука, 1965. Пер. с франц. [Benveniste E. *Études sur la langue ossète*. Paris: C. Klincksieck, 1959. Transl. into Russian.]
- Боголюбов 1962 — Боголюбов М. Н. Предложения с архаичным причастием в говорах таджикского языка. *Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук*, 1962, 306: 3–5. [Bogolyubov M. N. Sentences with the archaic participle in Tajik dialects. *Uchenye zapiski LGU. Seriya vostokovedcheskikh nauk*, 1962, 306: 3–5.]
- Выдрин 2013 — Выдрин А. П. Две конструкции возможности в осетинском языке. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 121–142. [Vydrin A. P. Two constructions of possibility in Ossetic. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 121–142.]
- Выдрин 2014а — Выдрин А. П. Специализированный имперсонал в осетинском языке: к типологии имперсональности в иранских языках. *Вопросы языкознания*, 2014, 3: 20–33. [Vydrin A. P. Dedicated impersonal in Ossetic: towards a typology of impersonality in Iranian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 3: 20–33.]
- Выдрин 2014б — Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке. *Востоковедение. Историко-филологические исследования*. Межвузовский сб. статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. Оглоблин А. К., Телицин Н. Н. (отв. ред.). СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014, 25–80. [Vydrin A. P. Verb in Ossetian. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya*. No. 30. Ogloblin A. K., Telitsin N. N. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2014, 25–80.]
- Выдрин 2015 — Выдрин А. П. Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, 2: 111–134. [Vydrin A. P. Difficult and easy in Ossetic. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, 2: 111–134.]
- Выдрин 2022 — Выдрин А. П. Переходность в осетинском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2022, 3: 11–30. [Vydrin A. P. Transitivity in Ossetian. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2022, 3: 11–30.]
- Выдрин, Мазурова 2021 — Выдрин А. П., Мазурова Ю. В. Будущее в таджикском: литературное будущее время в современном таджикском языке. *Родной язык*, 2021, 1: 103–117. [Vydrin A. P., Mazurova Yu. V. Standard future tense in modern Tajik. *Rodnoy Yazyk*, 2021, 1: 103–117.]
- Гагкаев 1952 — Гагкаев К. Е. *Очерк грамматики осетинского языка*. Дзауджикау: Севосгиз, 1952. [Gagkaev K. E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [Sketch of Ossetian grammar]. Dzaudzhikau: Sevosgiz, 1952.]
- Гаффаров 1979 — Гаффаров Р. К вопросу о сравнительном изучении синтаксиса таджикских говоров. *Вопросы языкознания*, 1979, 1: 74–81. [Gaffarov R. On comparative study of syntax in Tajik dialects. *Voprosy Jazykoznanija*, 1979, 1: 74–81.]
- Грюнберг 1963 — Грюнберг А. Л. *Язык североазербайджанских татов*. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Grunberg A. L. *Yazyk severoazerbaidzhanskikh tatov* [The language of North Azerbaijani Tats]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963.]
- Грюнберг 1972 — Грюнберг А. Л. *Мунджанский язык: тексты, словарь, грамматический очерк*. Л.: Наука, 1972. [Grunberg A. L. *Mundzhanskii yazyk: teksty, slovar', grammaticheskii ocherk* [Munjani language: Texts, dictionary, grammatical sketch]. Leningrad: Nauka, 1972.]

- Грюнберг 1987а — Грюнберг А. Л. *Очерк грамматики афганского языка (пашто)*. Л.: Наука, 1987. [Gryunberg A. L. *Ocherk grammatiki afganskogo yazyka (pashto)* [Sketch of Afghani (Pashto) grammar]. Leningrad: Nauka, 1987.]
- Грюнберг 1987б — Грюнберг А. Л. Мунджанский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 155–228. [Gryunberg A. L. Munjani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 155–228.]
- Ефимов 1965 — Ефимов В. А. *Язык афганских хазара*. М.: Наука, 1965. [Efimov V. A. *Yazyk afganski-kh khazara* [The language of Afghani Khazara]. Moscow: Nauka, 1965.]
- Ефимов 1986 — Ефимов В. А. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. М.: Наука, 1986. [Efimov V. A. *Yazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii* [Ormuri language in synchronic and historical perspective]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Ефимов 2008 — Ефимов В. А. Хазара. *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 344–414. [Efimov V. A. Khazara. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008.]
- Ефимов 2009 — Ефимов В. А. *Язык парачи*. М.: Восточная литература РАН, 2009. [Efimov V. A. *Yazyk parachi* [Parachi language]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2009.]
- Иоаннесян 1999 — Иоаннесян Ю. А. *Гератский диалект языка дари*. М.: Восточная литература РАН, 1999. [Ioannesyan Yu. A. *Geratskii dialekt yazyka dari* [Herat dialect of Dari]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1999.]
- Калинина 1976 — Калинина З. М. Частица *bə* и ее функции в глагольной системе пушту. *Индийская и иранская филология: Вопросы грамматики*. Дворянков Н. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1976, 68–78. [Kalinina Z. M. The particle *bə* and its functions in Pashto verbal system. *Indiiskaya i iranskaya filologiya: Voprosy grammatiki*. Dvoryankov N. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1976, 68–78.]
- Керимова 1982а — Керимова А. А. Диалекты Фарса. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 316–363. [Kerimova A. A. Dialects of Fars. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiiskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 316–363.]
- Керимова 1982б — Керимова А. А. Лурские и бахтиярские диалекты. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 287–315. [Kerimova A. A. Luri and Bakhtiari dialects. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiiskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 287–315.]
- Кисилёва 1985 — Кисилёва Л. Н. *Язык дари Афганистана*. М.: Наука, 1985. [Kisileva L. N. *Yazyk dari Afganistana* [Dari language of Afghanistan]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Миллер 1953 — Миллер Б. В. *Талышский язык*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. [Miller B. V. *Talyshskii yazyk* [Talysh language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953.]
- Молчанова 1982 — Молчанова Е. К. Ларский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 364–446. [Molchanova E. K. Lari. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiiskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 364–446.]
- Молчанова 1997 — Молчанова Е. К. Сивенди. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II*. М.: Восточная литература РАН, 1997, 330–418. [Molchanova E. K. Sivandi. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: Severo-zapadnaya grupa. II*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 330–418.]
- Молчанова 2008 — Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дари). *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 235–343. [Molchanova E. K. Yazdi (Zoroastrian Dari). *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: Sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008, 235–343.]
- Пахалина 1959 — Пахалина Т. Н. *Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Pakhalina T. N. *Ishkashimskii yazyk. Ocherk fonetiki i grammatiki, teksty i slovar'* [Ishkashimi. Sketch of phonetics and grammar, texts, and dictionary]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959.]
- Пахалина 1975 — Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. М.: Наука, 1975. [Pakhalina T. N. *Vakhanskii yazyk* [Vakhani]. Moscow: Nauka, 1975.]

- Пахалина 1987а — Пахалина Т. Н. Ваханский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 408–473. [Pakhalina T. N. Vakhani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 408–473.]
- Пахалина 1987б — Пахалина Т. Н. Ишканинский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 474–536. [Pakhalina T. N. Ishkashimi. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 474–536.]
- Пахалина 1989 — Пахалина Т. Н. *Сравнительно-историческая морфология памирских языков*. М.: Наука, 1989. [Pakhalina T. N. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative morphology of Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Пахалина 1991 — Пахалина Т. Н. Семнанский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 176–205. [Pakhalina T. N. Semnani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part I. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 176–205.]
- Пирейко 1976 — Пирейко Л. А. *Талышско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1976. [Pireiko L. A. *Talyshsko-russkii slovar'* [Talysh-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1976.]
- Пирейко 1991 — Пирейко Л. А. Талышский язык. Диалекты тати Ирана. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 91–175. [Pireiko L. A. Talysh language. Tati dialects of Iran. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part I. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 91–175.]
- Пирейко 1997 — Пирейко Л. А. Гурани. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 144–194. [Pireiko L. A. Gurani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 144–194.]
- Расторгуева 1975а — Расторгуева В. С. (отв. ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I. Фонология. *Эволюция морфологического типа*. М.: Наука, 1975. [Rastorgueva V. S. (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov* [Historical-typological study of Iranian]. Vol. 1. *Fonologiya. Evolyutsiya morfologicheskogo tipa* [Phonology. Evolution of morphological type]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Расторгуева 1975б — Расторгуева В. С. (отв. ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. II. *Эволюция грамматических категорий*. М.: Наука, 1975. [Rastorgueva V. S. (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov* [Historical-typological study of Iranian]. Vol. 2. *Evolyutsiya grammaticheskikh kategorii* [Evolution of grammatical categories]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Расторгуева 1991 — Расторгуева В. С. Сангесари. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 206–246. [Rastorgueva V. S. Sangesari. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part I. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 206–246.]
- Расторгуева, Керимова 1964 — Расторгуева В. С., Керимова А. А. *Система таджикского глагола*. М.: Наука, 1964. [Rastorgueva V. S., Kerimova A. A. *Sistema tadzhikskogo glagola* [Tajik verb system]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Расторгуева, Мошкало 1997 — Расторгуева В. С., Мошкало В. В. Диалекты центрального Ирана. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 195–329. [Rastorgueva V. S., Moshkalo V. V. *Dialects of Central Iran. Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 195–329.]
- Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазендеранский (с диалектами шамерзади и Велатру). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 447–554. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Gilani, mazenderani (with Shamarzadi and Velatru dialects). *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiiskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 447–554.]
- Таказов 1992 — Таказов Х. А. *Категория глагола в современном осетинском языке*: Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. [Takazov Kh. A. *Kategoriya glagola v sovremennom osetinskom yazyke* [Category of verb in modern Ossetian]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 1992.]

- Тедеев 1989 — Тедеев Г. З. *Семантическая структура осетинского глагола*. Тбилиси: Мецниереба, 1989. [Tedeev G. Z. *Semanticheskaya struktura osetinskogo glagola* [Semantic structure of Ossetian verb]. Tbilisi: Metsniereba, 1989.]
- Техов 1970 — Техов Ф. Д. *Выражение модальности в осетинском языке*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Tekhov F. D. *Wyrazhenie modal'nosti v osetinskom yazyke* [Expression of modality in Ossetian]. Tbilisi: Metsniereba, 1970.]
- Хромов 1972 — Хромов А. Л. *Ягнобский язык*. М.: Наука, 1972. [Khromov A. L. *Yagnobskii yazyk* [Yaghnobi]. Moscow: Nauka, 1972.]
- Цаболов 1978 — Цаболов Р. Л. *Очерк исторической морфологии курдского языка*. М.: Наука, 1978. [Tsabolov R. L. *Ocherk istoricheskoi morfologii kurdsckogo yazyka* [Sketch of Kurdish historical morphology]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Цаболов 1997 — Цаболов Р. Л. Курдский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 6–96. [Tsabolov R. L. *Kurdish. Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 6–96.]
- Чёнг 2008 — Чёнг Дж. *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гасиева, 2008. [Cheung J. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Outline of historical development of Ossetian vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinval: V. Gassiev Publ., 2008.]
- Эдельман 1987а — Эдельман Д. И. Язгулямский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 348–407. [Edel'man D. I. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 348–407.]
- Эдельман 1987б — Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 236–347. [Edel'man D. I. *Shugnani-Rushani language group. Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 236–347.]
- Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М.: Наука, 1990. [Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostoichnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of East Iranian. Morphology. Elements of syntax]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Юсупова 1998 — Юсупова З. А. *Курдский диалект горани*. СПб.: Наука, 1998. [Yusupova Z. A. *Kurdskii dialekt gorani* [Kurdish Gorani dialect]. St. Petersburg: Nauka, 1998.]
- Юсупова 2000 — Юсупова З. А. *Курдский диалект аврамани*. М.: Восточная литература РАН, 2000. [Yusupova Z. A. *Kurdskii dialekt avramani* [Kurdish Avramani dialect]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2000.]
- Юсуфбеков, Додыхудоева 2008 — Юсуфбеков Ш. П., Додыхудоева Л. Р. Сангличский язык. *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 110–234. [Yusufbekov Sh. P., Dodykhudoeva L. R. Sanglich. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: Sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008, 110–234.]
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Y. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Reichert, 2012.
- Axenov 2006 — Axenov S. *The Balochi language of Turkmenistan. A corpus-based grammatical description*. Ph.D. diss. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2006.
- Benveniste 1959 — Benveniste É. *Études sur la langue ossète*. Paris: C. Klincksieck, 1959.
- Borjian 2008 — Borjian H. The Komisenian dialect of Aftar. *Oriental Archive*, 2008, 76: 269–424.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cheung 2002 — Cheung J. Studies in the historical development of the Ossetic vocalism. *Beiträge zur Iranistik. Gegründet von Georges Redard, herausgegeben von Nicholas Sims-Williams*. Bd. 21. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- Emmerick 1968 — Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London: Oxford Univ. Press, 1968.
- Ethnologue 2023 — Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 26th edn. Dallas: SIL International, 2023. Online version: <http://www.ethnologue.com>.

- Jahani, Korn 2009 — Jahani C., Korn A. Balochi. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 634–692.
- Jügel 2020 — Jügel Th. The perfect in Middle and New Iranian languages. *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Crellin R., Jügel Th. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020, 280–309.
- McCarus 2009 — McCarus E. N. Kurdish. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 587–633.
- Nourzaei et al. 2015 — Nourzaei M., Jahani C., Anonby E., Ahangar A. A. *Koroshi. A corpus-based grammatical description*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2015.
- D. Paul 2011 — Paul D. *A comparative dialectal description of Iranian Taleshi*. Ph.D. diss. Univ. of Manchester, 2011.
- L. Paul 2009 — Paul L. Zazaki. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 545–586.
- Skjærvø 1989 — Skjærvø P. O. Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Bāškardī. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Reichert, 1989, 363–370.
- Thordarson 1989 — Thordarson F. Ossetic. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Reichert Verlag, 1989, 456–479.
- Thordarson 2009 — Thordarson F. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.
- Vafaeian 2018 — Vafaeian Gh. *Progressives in use and contact: A descriptive, areal and typological study with special focus on selected Iranian languages*. Stockholm: Stockholm Univ., 2018. <http://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:1200741/FULLTEXT01.pdf>
- Vydrin 2017 — Vydrin A. Two Ossetic constructions with the future participle: prospective-intention and necessity. *Prospective and proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Korn A., Nevskaya I. (eds.). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017, 147–162.
- Wal Anonby 2015 — van der Wal Anonby C. *A grammar of Kumzari: A mixed Perso-Arabian language of Oman*. Ph.D. diss. Universiteit Leiden, 2015. <https://hdl.handle.net/1887/32793>
- Yar-Shater 1969 — Yar-Shater E. *A grammar of southern Tati dialects*. The Hague: Mouton, 1969.

Получено / received 04.01.2022

Принято / accepted 22.11.2022